

Лариса Найдич

Подарки дяди Юры

(ВОСПОМИНАНИЯ ПЛЕМЯННИЦЫ)⁵

Первые воспоминания детства — обрывочные и смутные. Кажется, помню сцены из нашей жизни на даче в Рощино (а может быть, это картины, воссозданные по позднейшим рассказам и по фотографиям?). В Рощино снимали дачу (как писали в посвященных этому стихах, *у Липы златокудрой* — хозяйку дачи звали Олимпиада, то есть Липа). На даче жили всей семьей: мама, папа, бабушка Аня и прабабушка баба Люба. Приезжала туда и мамина сестра Виктория (тетя Ляля) и мамин брат, дядя Юра. Об этом лете остались воспоминания взрослых, их стихи и фотографии. Дядя Юра еще жил тогда в Ленинграде на Невском проспекте вместе с мамой (моей бабушкой) и двумя сестрами, Инной и Викторией (Лялей, как ее звали дома); а третья сестра, моя мама, переселилась после моего рождения к мужу, моему папе, на Петроградскую сторону. Любая встреча с дядей Юрой, на даче или в городе, была праздником, подарком всей семье. И это понятно: после стольких лет войны особенно ценными были простые радости общения. А Юрий — младший в семье Лотманов, всеми горячо любимый, да еще и не так давно вернувшийся из армии, — был самым желанным гостем. С большой любовью относилась к нему и мамина свекровь, и для нее он был близким, родным человеком. Он всегда радовал окружающих остроумием, оптимизмом, вежливым вниманием ко всем. Мама и дядя Юра вдвоем ходили по грибы — любимое занятие дачников. Они ездили на паровике за Рощино, на линию Маннергейма на Карельском перешейке. Там тогда еще сохранялись следы войны с Финляндией — ржавые каски, рвы, а иногда и трупы. Именно там, вдали от всех, дядя Юра рассказывал своей сестре, моей маме, эпизоды военной жизни — то, о чем он не писал в письмах с фронта.

Отчетливо я помню общение с дядей Юрой позже, когда он приезжал уже из Тарту (*ил. 2*). Приезд и приход к нам и его, и тети Зары, его жены, были прекрасными, запоминающимися событиями. Нужно заметить, что в детстве я не делила близких на *кровных родственников* и *свойственников* — были дяди и тети, все родные. А уж тетя Зара — такая, что роднее не бывает! Когда приезжали тартуские тетя и дядя, возникала атмосфера радости, бодрости, творчества, можно сказать счастья. Они всегда привозили особые, запомнившиеся подарки. Чаще всего это были книги — то, что я в детстве считала *подарком*, в отличие от шоколадок, которые я называла *гостинцы*, четко разделяя эти понятия. Книги я любила, читать научилась рано, в пять лет, и в отсутствие телевизора они служили и источником информации, и главным развлечением. Прибалтийские издательства публиковали тогда хорошую детскую литературу. Часто это были сказки Прибалтики, которые сохранились у меня до сих пор. Кроме того, были среди этих книг «Руслан и Людмила» с красивыми иллюст-

---

5 Лариса Эриковна Найдич — племянница Ю.М. Лотмана, дочь его сестры Лидии Михайловны Лотман, филолог-германист, профессор-эмеритус Иерусалимского университета.

*Ил. 2. Виктория Михайловна, Юрий Михайлович Лотманы, Лариса Найдич.
Фотография из архива Л.Э. Найдич.*

рациями, «Сказка о рыбаке и рыбке», стихи Бёрнса в переводе Маршака с гравюрами Фаворского и многое другое. Заметим, что тетя Зара хорошо знала детскую литературу: она писала о ней кандидатскую диссертацию. Она знала стихи Хармса и других обэриутов, не публиковавшихся и, по сути, запрещенных в то время. Первые мои воспоминания о ней: она читает мне Чуковского, и голос ее звенит. Особенно когда кастрюли и тарелки убегают от Федоры — «дзынь-ляля!». Не помню, чтобы дядя Юра и тетя Зара приезжали вместе. Очевидно, нельзя было оставить университетские и домашние дела. И это очень жалко, была бы еще большая радость!

Приезжали тартуские Лотманы в Ленинград обычно для работы в архивах, в издательствах, в библиотеках (когда Юрий Михайлович приходил в *Публичку*, по залу проходил шепоток: «Лотман!»). Тем не менее ему удавалось выкраивать время и для членов семьи, что, к сожалению, становилось все труднее с каждым годом. Дядю Юру ждали ученые, сотрудничавшие с ним, он делал доклады, читал лекции. А проблемы со здоровьем в последние годы становились все серьезнее, и это очень огорчало сестер. Тетя Ляля (Виктория), замечательный врач-кардиолог, прилагала большие усилия для лечения дяди Юры, назначала ему лекарства, давала советы и даже требовала снизить нагрузки. Но разве возможно было запретить ему жить в бешеном темпе! Хотя сестры очень любили брата, они иногда журили его (Виктория особенно, за пренебрежение к здоровью). Однажды во время нашей встречи у сестер в их квартире на Невском они так бурно его критиковали, что он отвел меня в сторону и сказал: «Помнишь, у Чехова — “Три сестры”. Там все говорят: “В Москву, в Москву”. Если у тебя три сестры, то сбежишь и дальше». Моя мама была в курсе научных работ Юрия, обсуждала с ним его доклады и публикации. Они

постоянно обменивались идеями. Он был знаком с ее работами и планами. Мама регулярно посылала в Тарту книги, а из Тарту посылались в Ленинград тартуские университетские труды, которые сразу после выхода становились дефицитом и не поступали в ленинградские книжные магазины.

У Лотманов было принято поздравлять друг друга с праздниками, посылать открытки, телеграммы, а при любой возможности и подарки. Мама где-то достала прибор — умягчитель воды — и послала его в числе прочих новогодних подарков в Тарту. Вода в Тарту была жесткая, что мешало мыть голову, ведь соответствующих косметических средств тогда не было. Дядя Юра был очень рад и писал в ответ: «Дорогая Лидуха! Спасибо за подарки — все исправно получили. Все очень здорово. “Умягчитель” решили приделать к моему характеру. Только, видимо, придется часто промывать его тогда соленой водой для восстановления качества» (29.XII.65).

Мое поступление в университет было важнейшим событием не только в моей жизни, но и в жизни всей семьи. Дядя Юра писал мне:

Дорогая Лора,

Поздравляю тебя сердечно с началом первого учебного года⁶. Закаленная на картошке⁷, теперь ты, конечно, бросишься на германистику как тигр. Погоди еще, скоро я начну тебя совращать в структуральную веру. Пока что, если будет время, прочти книжку Ю. Степанова «Французская стилистика» М., 1965 — это полезная работа.

Vale et me ama⁸

24.IX.65

Тетя Зара и парни шлют тебе привет.

Дядя Юра дополнил свою подпись рисунком — автошаржем, как он часто делал (ил. 3).

Vale et me ama
24.IX.65
Тетя Зара и парни шлют тебе привет.

Ил. 3. Автошарж Ю. М. Лотмана.

Из архива Л. Э. Найдич.

Незабываемыми были посещения Эрмитажа, когда дядя Юра брал с собой племянниц — Наташу и меня. Он рассказывал нам о картинах и о художниках. Помню, как в итальянских залах он объяснял развитие живописи от иконы к более реалистическому искусству. Каким подарком было посещение с ним театра или кино! Как жалко, что это бывало

редко — только когда он приезжал в Ленинград и находил для этого время или когда я ненадолго приезжала в Тарту и у него была свободная минута.

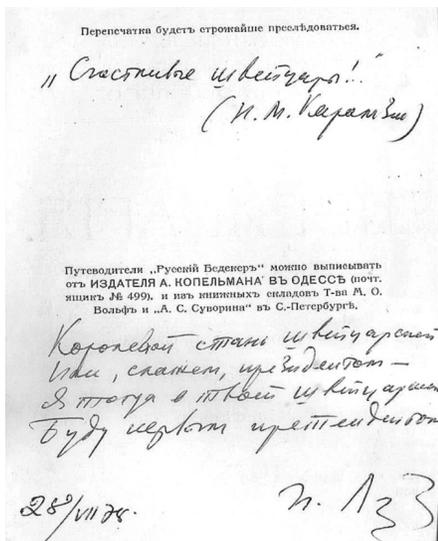
Незабываемыми были и прогулки с дядей Юрой по Невскому проспекту. Он говорил мне: «Выбери все, что хочешь, я тебе куплю». Мои желания были весьма скромными. Я коллекционировала открытки и обычно покупала одну-две открытки в неделю на деньги, данные родителями или сэкономленные на школьных завтраках. А тут покупай, что хочешь! Дядя Юра приговаривал:

6 Я поступила на немецкое отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1965 году.

7 После поступления в университет всех студентов посылали в колхоз.

8 Будь здоров и люби меня (лат.). Заключительная форма письма у древних римлян.

«Вижу, что ты хочешь вот это!», — и тут же в моих руках был новый подарок. Он дарил мне не только репродукции классических живописцев, но и веселые открытки с шутками и карикатурами. Хорошо помню набор шуточных картинок «Веселые рыболовы». Узнав, что я полюбила Гёте (было мне тогда немногим более двенадцати лет), дядя Юра сделал мне роскошный подарок. Он купил у букинистов собрание сочинений Гёте — разумеется, по-немецки, готическим шрифтом. Дело было так. Приехавший из Тарту дядя Юра в сопровождении моей мамы явился с большим пакетом, и сразу же возникла какая-то торжественная атмосфера, обещавшая что-то особенное. Потом из пакета стали один за другим появляться тома большого формата в красивом темно-зеленом переплете. Я, конечно, была в восторге, и, наверное, запрыгала от радости. Когда я сильно радовалась, я в детстве всегда прыгала, за что дядя Юра прозвал меня «блоха». В томах Гёте было много картинок, которые все окружающие сразу стали рассматривать. При этом взрослые улыбались несколько смущенно, так как художник не скупился на изображение женских тел весьма пышных форм. Эти тома, подаренные дядей Юрой, вскоре стали моими любимыми. Я читала стихи и прозу великого Гёте и внимательно изучила предисловие, которое, как мне помнится, было весьма обстоятельным. Так я выросла с этими книгами. Я и впоследствии, уже став старше, неоднократно получала книжные подарки от тартуских Лотманов. Когда дядя Юра узнал, что я пишу германистическую диссертацию о диалектах Швейцарии, он подарил мне купленный у букинистов старинный бедекеровский путеводитель по Швейцарии⁹ — как всегда, с остроумной надписью (ил. 4):

Ил. 4. Инскрипт Ю.М. Лотмана на путеводителе по Швейцарии. Из архива Л.Э. Найдич.

«Счастливые швейцары!»

(Н.М. Карамзин)

Королевой стань швейцарской
Или, скажем, президентом —
Я тогда в твоей швейцарской
Буду первым претендентом.

28/VII 78 Ю. Л.

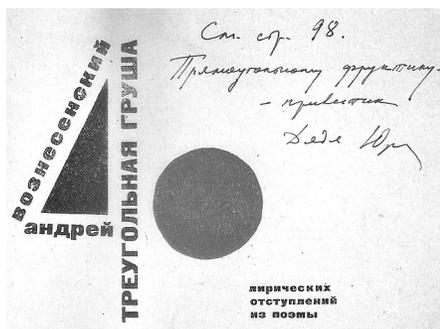
А вот другая дарственная надпись, на книге А. Вознесенского «Треугольная груша» (ил. 5):

См. с. 98¹⁰.

Прямоугольному фруктику — приветик.
Дядя Юра

Конечно, делались и более существенные с материальной точки зрения подарки. Из Тарту привозились шерстяные вещи: кофточки, шапоч-

9 Швейцария. Подробное описание страны. 3-е изд. Киев, 1913 (Русские путеводители по Западной Европе «Русский Бедкер»; издания П. Копельмана).
10 На с. 98 находилось стихотворение «Люблю Лорку».

Ил. 5. Инскрипт Ю.М. Лотмана на книге А. Вознесенского «Треугольная груша». Из архива Л.Э. Найдич.

ки, перчатки для меня и моей кузины Наташи. В Ленинграде таких вещей достать было невозможно. Тартуские родственники заботились о нашем внешнем виде. Однажды тетя Зара, приехав в Ленинград, повела меня в магазин, где вещи продавались по специальным талонам, бонам, которые дядя Юра получил в виде гонорара за публикацию в одной из социалистических стран. Она выбрала мне дорогой костюм, а когда я, воспитанная в чрезвычайной скромности, стала отказываться, сказала: «Носи и не позорь своим видом семейство!». Что ж, убедительный аргумент!

Ил. 6. (Слева направо) стоят: Мария-Кристина, Михаил, Ребекка, Александра Лотманы и Лариса Найдич. Сидят: Лидия Михайловна, Юрий Михайлович и Виктория Михайловна Лотманы. Фотография Александра Палатника.

Были случаи, когда дядя Юра готовил меня к школьным занятиям – как жалко, что это было так редко! Однажды мне особенно повезло, хотя начиналось все грустно и даже позорно. Было задание рассказать о стихотворении Пушкина «Деревня», и выяснилось, что ничего, кроме констатации тяжелой доли крестьян, я сказать не могу. А произошло-то это в присутствии дяди Юры. Мама была очень недовольна мной. Но мне тут же повезло. Дядя Юра рассказал об эволюции взглядов Пушкина и об особенностях этого стихотворения.

А маму он успокоил: «Школьный учебник, как каток, проходит по мозгу. Прочтешь – и ничего, кроме одной фразы, в голове не остается». Так он считал, и поэтому писал не только академические работы, но и пособия для учителей и популярные книги, которые с интересом читают люди разных возрастов и специальностей. Вообще, если наша мама делала мне и брату замечания в его присутствии, он, защищая нас, шутливо цитировал «Недоросля» Фонвизина: «Я прощу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра». И дальше, повышая голос: «Не будь я Тарас Скотинин!»

В еще один приезд дяди Юры я мучилась над заданием по черчению. Тогда он взял из моих рук рейсфедер и объяснил мне, как надо с ним работать. Оказывается, и это он умел! Делал он все быстро и весело, с большой сноровкой. Умел приготовить обед, починить лампу, разложить на даче плиту на кирпичах. Знаю, а один раз и видела (был случай, что потек кран и на полу была лужа), как он виртуозно мыл пол. Этому он научился в армии.

На лекциях Лотмана в Ленинграде приходилось проталкиваться сквозь толпу. Тут мы, племянницы, пользовались знакомством: дядя Юра проталкивал нас перед собой. Лекции я конспектировала, потом перечитывала конспекты. Благодаря маме и дяде Юре я поняла, что филология – это интересно и уж совсем не скучно. Уже тогда я понимала, как мне повезло. Какой подарок сделала мне судьба! Подарок на всю жизнь.

Светлана Толстая

Крупницы памяти

Не могу вспомнить точно, когда я впервые увидела Ю.М. Возможно, это случилось весной 1964 года в Москве, когда Ю.М. приезжал договариваться с В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым о проведении летней школы по семиотике в Тарту и, скорее всего, заходил в Институт славяноведения. А может быть, и раньше. Во всяком случае, когда ранним августовским утром 1964 года мы большой московской группой высадились из поезда на вокзале Тарту и Ю.М. встречал нас на перроне с собачкой (может быть, собачка была не в этот раз, а в какой-то другой, но наверняка однажды была), мне казалось, что я уже давно его знала. И его легкая походка, изящная фигура, его галантность, его усы и шевелюра казались хорошо знакомыми. Это был первый симпозиум по семиотике, организованный Ю.М. и его учениками с большим участием московских структуралистов, объединенных вокруг сектора структурной типологии Института славяноведения. Нас повезли на автобусе на спортивную базу Тартуского университета в Кязэрику, где проходил симпозиум, о котором теперь уже так много (и в научном, и в личном плане) написано его участниками.

Дружба сектора структурной типологии с Ю.М. началась после знаменитого и скандального симпозиума по структурному изучению знаковых систем, прошедшего в Москве, в Институте славяноведения, в декабре 1962 года.